

ОБЗОРЫ

«Моральные ценности и правовые нормы в контексте международного права»
(Международный симпозиум «Философия и современное международное право»,
13–14 мая 2013 г. Санкт-Петербургский
государственный университет)*

В. Ю. Перов

В научном обзоре «Моральные ценности и правовые нормы в контексте международного права» (Международный симпозиум «Философия и современное международное право» 13–14 мая 2013 г. Санкт-Петербургский государственный университет) рассматриваются вопросы, обсуждавшиеся в ходе симпозиума. Развернувшиеся дискуссии были посвящены общетеоретическим вопросам соотношения морали и права, особенностям моральной нормативности в контексте международного права, моральной интерпретации прав человека и т. д., а также этико-прикладным аспектам сферы права (специфике этики права, моральным проблемам нарушения трудового законодательства, особенностям социального проектирования и т. д.)

Прошедшая 13–14 мая 2013 г. на философском факультете Санкт-Петербургского государственного университета при участии факультета права Университета Буэнос-Айрес (Аргентина) Международный симпозиум «Философия и современное международное право» был посвящен ряду существенных и актуальных вопросов теории и философии права. В ходе симпозиума осуждались вопросы философских оснований международного права, логические проблемы нормативных систем, особенности нормативных систем в контек-

* При поддержке гранта РФФИ № 12-03-00505.

сте международного права. Дискуссии, развернувшиеся на секции «Моральные ценности и правовые нормы в контексте международного права», с одной стороны, находились в русле «хрестоматийных» споров между «юснатурализмом» и «юспозитивизмом», традиционно фокусируясь на вопросах о соотношении морали и права, о возможном нравственном содержании правовой нормативности и т. д., с другой стороны, возникающие ракурсы интерпретации этих проблем зачастую имели нетривиальный характер. Во многом направленность дискуссий была задана докладом Gaziero Cella José Renato, Arns De Oliveira Marlus Heriberto, Pilotto Melissa Abramovici «A matter of cultural relativism: Is it possible to establish universal ethics for the human rights?» («Вопрос культурного релятивизма: возможно ли установление универсальной этики для прав человека?»). В качестве тезиса было выдвинуто положение, что в мировоззрении современной западной цивилизации в настоящее время доминирует сциентистско-технократический подход, предполагающий ценностно-нормативную нейтральность, имеющую своим следствием не только скептическое, но и зачастую безразлично-индифферентное отношение к любым проявлениям культурного релятивизма, в том числе и к случаям угроз фундаментальным способам человеческого бытия. В связи с этим, основные положения доклада были сконцентрированы вокруг идеи о том, что именно философское осмысление концепции прав человека может обеспечить возможность формирования «универсальной этики», которая могла бы выступить своеобразным «рамочным порядком» для культурного многообразия правовых порядков. Обращение к концепции прав человека не только в строгих политико-юридических, но и этических аспектах позволило иначе взглянуть и на интерпретацию проблемы соотношения морали и права (Бондаренко Л. И. «Международное право как нравообразующий фактор»). Традиционной и наиболее распространенной (по крайней мере, среди сторонников «юснатурализма») точкой зрения является известная метафора «право есть минимум нравственности, гарантируемый государством». В докладе и возникшей дискуссии было отмечено, что начиная со второй половины XX века бесспорность по-

добного утверждения оказалась подвергнута существенному сомнению. И связано это, не в последнюю очередь, с развитием международного права, которое оказало существенное влияние на нравственную культуру человечества. В условиях глобализации обнаружилась не только социально-экономическая неравномерность развития различных культур, но и их нравственная вариативность. В современном мире сохранилось множество архаических форм нравственности вплоть до упрощенных моделей регуляции на уровне соблюдения обычаев. Установленные международные правовые нормы стали предъявлять требования, на которые вынуждены (в большей или меньшей степени) ориентироваться региональные модели нравственности. В частности, появление Декларации прав человека привело к тому, что под влиянием международной правовой практики и изменившейся правовой культуры в целом произошла перестройка доминант в структурах морального сознания. Ценность человеческой жизни начинает осознаваться как высшая нравственная ценность, которая требует определенных социальных гарантий и свобод. Страны и регионы с сильной традиционалистской ориентацией, даже отстаивающие идеи самобытного развития и стремящиеся к сохранению наследия традиционной культуры, через инструменты международного права вынужденным образом фиксируют нравственную ценность жизни в практике жизнедеятельности. Таким образом, складываются ситуации, когда право не только «оформляет» и институализирует уже сложившиеся в обществе способы поведения и отношений, устоявшиеся нормы и ценности (в том числе и моральные), а выступают инструментом формирования нравов. Иными словами, не «право следует за моралью», а «мораль за правом».

Вопросы, связанные с «конституирующей» функцией нормативности, были затронуты и в докладе Шевченко А. А. «О моральной нормативности». В ходе дискуссии большинство согласилось с основным тезисом, что даже в условиях признания разнообразия источников нормативности, основная философская альтернатива состоит в выборе между «найденным» и «сделанным», то есть между различными концепциями реализма и конструктивизма. При этом было отмечено, что противо-

поставление нормативного конструирования (которое чаще всего осуществляется различными «конвенциональными» способами) позиции «открытия» или «нахождения» законов или принципов в реальном мире вовсе не означает отказа от объективности самой нормативности. В рамках как моральной философии, так и философии права, конструктивизм как раз и понимается как попытка объяснить, почему те или принципы или нормы имеют силу и почему они могут претендовать на статус обязательности.

Вопросы о «моральной значимости» международного права поднимались и при обсуждении доклада Ветютнева Ю. Ю. «Понятие блага в философии и международном праве». Разнообразие исторического и культурного понимания блага в контекстах как философских теорий, так и социальных практик не отменяет своеобразного единства понимания блага, поскольку наряду с дифференциацией ценностей оно указывает и на их интеграцию. Этот тезис, в том числе, подтверждается при обращении к современному пониманию блага, отраженному в правовых доктринах, а также в ряде положений действующего национального и, особенно, международного права. Представленный анализ ряда международно-правовых актов демонстрирует тот факт, что понятие «блага» довольно часто фигурирует в данных текстах. Важным обстоятельством является то, что документы международного права предполагают более частые, нежели в национальном законодательстве, ссылки на цель принятия того или иного нормативного положения, что необходимо не только для его легитимации, но зачастую для его толкования и применения. Связано это в значительной мере с тем, что понятие блага призвано обеспечить функцию связи между действием и целью. При этом цель установления международно-правовой нормы может определяться путем указания на того субъекта, который должен получить оправданные преимущества от ее создания (народы, страны, государства, поколения и т. п.); именно для этого используется формулировка «на благо», представление о котором связано с общими социальными, политическими, моральными и другими практиками. О важности расширения сферы обсуждения правовых проблем путем их «помещения» в более широкий социальный и моральный контекст от-

мечалось и в докладе Барташевич Т. Ю., Овчинниковой Е. А. «Концептуализация общественной морали в русской философии права (конца XIX — начала XX вв.)», в котором на основе анализа исторических дискуссий обосновывалась мысль о необходимости «возврата» дискуссий о проблемах прав и обязанностей, систем наказаний и поощрений в контекст общественной морали, связанной, в том числе, и с пониманием общественных и моральных благ.

Темы, связанные с «моральной направленностью» международного права, особенно аспектами воплощения концепции прав человека в различных областях социальной политики и общественных практик, были затронуты в ряде докладов. Так, в дискуссии по поводу доклада Баталыгиной Ю. А. «Проблема прав человека в социальном проектировании» было отмечено, что сложность и важность обсуждаемых проблем состоит не только в том, что социальное проектирование часто обращено к теме прав человека, его темы создаются на правовой базе (в связи с чем и некоторые законы могут быть интерпретированы как своеобразный социальный проект), что оно обладает важной функцией обращать внимание общества на острые социальные проблемы, а также отражать и предупреждать социальные несправедливости, неравенство, аморальное поведение, преступления и т. д., но и в том, что сама концепция прав человека может рассматриваться именно как «социальный проект», реализация которого до сих пор вызывает многочисленные как правовые, так и этические дискуссии. Тема влияния международного права на социальные и нравственные отношения была в центре обсуждения доклада Ларионова И. Ю. «Нарушение трудового законодательства и проблема соотношения права и морали». Было отмечено, что совокупность требований к трудовым отношениям, в частности запрещение принудительного труда и дискриминации, обеспечение справедливых условий труда и т. д. имеет не только правовое, но и моральное значение, так как их нарушение влечет за собой не только правовые, но также отрицательные в гуманистическом смысле последствия, которые могут быть интерпретированы как своеобразное «современное рабство». Нормативным базисом в борьбе

и превенции явлений подобного рода может выступать концепция прав человека, которая, с одной стороны, является действующей моделью в правовом поле, с другой – основана на важнейших ценностях, разделяемых современным мировым сообществом.

Следует отметить, что существенным, затрагиваемым практически во всех дискуссиях, вопросом оказывалась проблема «статуса» самого международного права, особенно в его возможной взаимосвязи с идеями «универсальной» (или претендующей на это) этики. Как справедливо отмечалось в докладе Гусева Д. А. «Справедливость и ответственность в свете комплиментарности норм международного права», до сих пор нет общей позиции о том, является ли международное право правом или же оно представляет собой неоднозначную агломерацию правовых, политических, экономических и нравственных принципов. В последнем случае, в центре внимания оказываются вопросы о возможности применения правовых норм, претендующих на выражение справедливости, а также на процедуры вменения ответственности, включающие и наложение различных санкций. В этом контексте особое внимание вызывают споры о том, как возможно в юридическом, так и в моральном аспекте существование и функционирование международных правовых институтов. Обсуждению этой проблемы был посвящен доклад Тазенковой П. А. «Проблема доверия в этике права: на примере международного публичного права». Было отмечено, что в отношении международных правовых институтов (особенно международных судов) важнейшим требованием к их деятельности выступает доверие, поскольку способы легитимации решений, вынесенных такими судами, в значительной степени носят политический характер. Причем важность отношения доверия оказывается гораздо выше, чем в национальном законодательстве, поскольку у международных институтов отсутствуют механизмы принуждения, характерные для национальных правовых порядков, в связи с чем процедурами контроля над политическими средствами отстаивания или оспаривания решений международных правовых институтов могут выступать этические инструменты. Недостаточность исключительно правовых процедур в деятельно-

сти международного права была отмечена и при обсуждении доклада Сатохиной Н. И. «Историческая справедливость и ответственность: на грани правового». В вопросах «восстановления исторической справедливости» обращение к этическому измерению иногда способно восстановить справедливость и вменить ответственность там, где право оказывается бессильным, что особенно актуально при вменении ответственности к коллективным субъектам. Правда, как было отмечено в докладе Левина С. М. «Правопреемственность и моральные обязательства», проблема ответственности в контексте обязательств в моральном отношении существенно отличается от ее правового измерения. Речь в данном случае идет об особенностях коллективных и организованных субъектов. Постоянная изменчивость статусов государственных и коммерческих структур послужила основанием для формирования нормативной базы для возможного перераспределения («наследования») имевшихся обязательств в случае частичного или полного прекращения существования этих субъектов (правопреемственность). В то же время механический «перенос» таких норм на моральные обязательства в полной мере не представляется возможным, в силу наличия принципиальных различий между способами существования и функционирования морали и права. Тем не менее, эти различия не отменяют актуальности обращения к моральным факторам применительно к функционированию правовых порядков. Более того, именно существование в определенных аспектах принципиальных различий между моралью и правом позволяет частично избежать традиционных противоречий между «юснатурализмом» (в своих крайних формах сущностно сводящим одно к другому) и «юспозитивизмом» (в своих крайних формах отрицающим какую-либо значимую взаимосвязь между ними), поскольку позволяет говорить о возможной взаимодополнительности в определенных условиях морали и права. В общем виде, эти условия могут быть охарактеризованы как своеобразные «правовые сбои», требующие ревизии сложившихся правовых норм и практик. Именно их существование и порождает обращение к «внеправовым» сферам, в том числе и к сфере морали. Данные обстоятельства рассматриваются и как одна из причин возник-

новения самостоятельной этики права (Перов В. Ю. Прикладная «этика права»), прикладной характер которой заключается, с одной стороны, необходимости предоставить теоретически обоснованные моральные основания для подобных ревизий, с другой стороны, выработать механизмы разрешения и предотвращения возникающих моральных дилемм, «открытых моральных проблем», моральных конфликтов и т. д. Это не означает признание наличия некой «универсальной нравственности», претендующей на применимость «для всех времен и народов», а предполагает формирование практик и процедур выработки и установления приемлемых для участников как социального в широком смысле, так и собственно правового взаимодействия, морально значимых принципов и норм, позволяющих, в том числе, преодолеть «правовую самодостаточность», апеллируя к общим представлениям о нормативности, благе, справедливости, ответственности, доверии и т. д. Существенным обстоятельством при этом является то, что обращение к этическим аспектам не является «панацеей» и более того, может быть своеобразным «прикрытием» неблагоприятной (как с моральной, так и с правовой точки зрения) деятельности. Как справедливо отметил в своем докладе «L'homme carable и взаимозависимость символических систем в контексте международного права» Щукин Д. А., зачастую решение «правовых парадоксов» («правовых сбоев») превращается в политические парадоксы власти, находящиеся в ведении могущего субъекта (l'homme carable – «человека могущего»), который компенсирует собственное политическое бессилие апелляцией к своим исключительным этическими способностями. При этом является показательным, что при решении парадоксов глобального уровня со всей очевидностью проступает факт отсутствия у международного права очевидных «законных» (как моральных, так и правовых) оснований. Именно поэтому в случае столкновения суверенитета и права на самоопределение, рассмотрения обоснованности культурной исключительности или апологии «справедливой войны» недостаточность юридических аргументов предполагают их трансформацию в качестве моральных императивов, что снова возвращает дискуссию к проблемам возможности «универсальной этики».